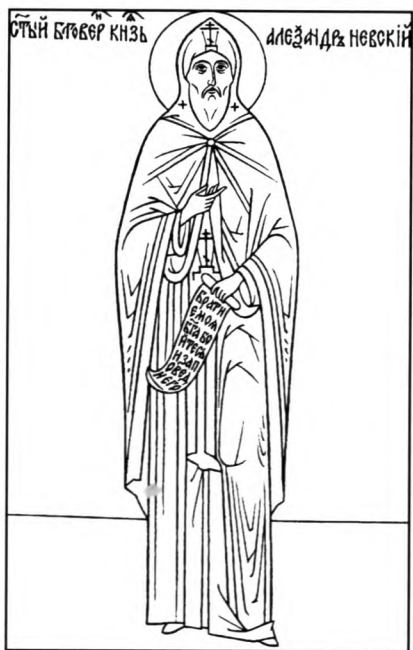

ШТРИХИ К ОБРАЗУ. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ (1220–1263)

Одна из древнейших и самых красивых церквей Великого Новгорода ц. Спаса Преображения на Нередице построена в 1198 г. князем Ярославом Всеволодовичем — отцом Александра. По желанию Ярославича, как любовно новгородцы называли Невского, написана там фреска, посвященная отцу. Под аркой ниши, на сине-зеленом фоне неба и земли изображен пожилой князь Ярослав с темной бородой; длинные прямые волосы его спадают из-под матерчатой шапки, отороченной собольим мехом. На нем красный плащ, расшитый золотым орнаментом, он в сапогах (видны не ясно), в правой руке у него макет церкви, который он подносит Христу. Символическое вручение Храма выражает сопричастность богу. Здесь же текстовая запись, характеризующая князя Ярослава: «О боголюбивый князь, второй Всеволод. Злых обличал, добрых любил, живых кормил. О милостивец, кто может воспеть твои добродетели».

Фигура писана влоборота, лицо удлиненное, форма носа с изгибом, глаза большие, с грустью, брови черные прямые, сходящиеся горизонтальной складкой, усы загнуты книзу, без подусников. Рост фигуры определить трудно. А вот сын Ярослава Мстиславича Александр, пишут, «был высок ростом, красив

собою, а голос его, по выражению современника, «гремел перед народом как труба».

Многие изображения Невского, конечно, условны и выражают образы, надуманные авторами.

И в иллюстрированном «житии Александра Невского», и в древнерусской миниатюре есть изображение князя. Но это типичное, стилевое представление, без особой индивидуализации натуры. В иконописи с XVI века изображают святого благоверного Александра Невского – фигура в рост, в монашеском куколке, в левой руке развернутый свиток с обращением «братие мои бога бойтесь и заповеди его». На фреске Архангельского собора Московского Кремля, XVII в. Ал. Невский в княжеской одежде с крестом в правой руке.

На фризе памятника «Тысячелетию России» рельефные фигуры Невского и Донского поставлены рядом; Александр с непокрытой головой, прижав обеими руками меч к груди, подняв взор, смотрит на Софию Новгородскую, у стен которой он собирал воинов на битвы. На «нагрудный доспех, набранный из расположенных вертикальными рядами позолоченных продолговатых пластин, соединенных кольцами», наброшен плащ с меховым воротником. На руках защитные пластины от локтя до пальцев. Вряд ли это доспехи воина XIII века, просто элемент обобщения.

Так много исполнено портретов этого геройского князя, особенно после 1942 года, что представление о нём уже фотографично. И складывается, к сожалению, одностороннее представление об исторической личности в угоду времени и месту.

Молодости свойственны скоростные порывы, мгновенные действия «здесь и сейчас», увлеченность боем, вечное стремление показать себя. Князь – главнокомандующий, и он на виду, за ним последнее слово, он должен быть первым и в ответе за всё. Понимает ли это двадцатилетний князь? Проблематично. Но он воспитан воином, защитником своей земли, патриотом «отчины». И когда, «кичась безумием своим, «шведский рыцарь Биргер через послов в Новгород передал вызов: «Аще можеше противиться мне, то есмь уже zde, пленяя землю твою», молодой князь повел дружину, укрепив её речью – «не в силе

бог, но в Правде...». И «возложи Биргеру печать на лице острым своим копием». Славно бились русские воины и победили шведов у Невы, а Александра назвали Невским.

Совсем мало времени прошло, около двух лет, и снова Александру Невскому довелось сражаться уже с Ливонским орденом крестоносцев. На льду Чудского озера встретили русские воины тупорыльную немецкую «свинью», действовали по замыслу князя и «кровь свою прольяхша» не напрасно, разгромили рыцарей «немци ту падоша, а чудь (эсты) даша плеща» — показали плечи, бежали. И треснул лёд, и многих рыцарей потянула на дно их тяжелая броня.

И вот снова монголы. Этот Бату хан, эти несметные полчища, этот враг «без конца и без краю». Князь Александр мог сражаться, мог побеждать — те битвы убеждают. Но тут мало одной храбрости, мало удали, мало отваги. Почти вся Русь под татарами. Надо ехать в орду, надо договариваться, спасти то, что осталось. И ездил князь, и кланялся, и откупался, и убеждал. В последний приезд долго продержали его в орде, и заболел он там, и возвращался уже больным (а может и отравленным), остановился он у брата в Городце, где и скончался 14 ноября 1263 года.

Закончил свой путь, может быть, самый знаменитый, самый известный русский князь. Тело перевезли во Владимир, где похоронили в монастыре Рождества Богородицы. Через века, по велению Петра I, в августе 1724 г. прах Александра перенесен в Александро-Невскую церковь Петербурга, затем перенесен в Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры.

В 1922 г. мощи князя, заключенные в многопудовый серебряный саркофаг, были изъяты из собора. Саркофаг ныне хранится в Эрмитаже, а прах князя оказался в Казанском соборе. И уже в 1989 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (ныне патриарх всея Руси) принял возвращенный православной церкви опечатанный кипарисовый ларец. Останки полководца теперь в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

Образ Александра Невского не полон без сопутствующих его слов: «Кто на Русь с мечом пойдет — от меча и погибнет, на том стояла и стоять будет Русская земля».